НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

11 января 1973 г. в Институте русского языка АН СССР состоялись очередные чтения памяти академика В. В. Виноградова. Были прочитаны два цикла докладов — о роли трудов акад. В. В. Виноградова в развитии многонационального советского языкознания и по стилистике и языку художественной литературы. Во вступительном слове член-корр. АН СССР Ф. П. Филин дал высокую оценку научной деятельности акад. В. В. Виноградова и его роли в развитии советского языкознания. Он отметил большое значение исследований В. В. Виноградова в становлении и развитии стилистики и изучения языка художественной литературы. Ф. П. Филин остановился на некоторых актуальных проблемах данной области науки, подчеркнув необходимость дальнейшего изучения и развития этих и многих других проблем, так глубоко и перспективно обоснованных в трудах В. В. Виноградова.

Акад. И. К. Белодед в докладе «Украинский язык в трудах академика В. В. Виноградова» подробно охарактеризовал основные направления в изучении украинского языка В. В. Виноградовым. Украинский язык, отметил докладчик, занимает в исследованиях В. В. Виноградова, в его общеславянистической историко-литературной языковой концепции значительное место. Особое внимание докладчик уделил роли В. В. Виноградова в изучении взаимосвязей и взаимообогащения восточнославянских языков на протяжении всей истории этих языков, а также в советский период их развития. Основным у В. В. Виноградова было положение, что «тенденция к сближению славянских культур, славянских литературных языков — при полном сохранении их национальной независимости и их индивидуального облика — становится все более действенной и значительной»¹.

¹ В. В. Виноградов, Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков, «Вестник МГУ», Серия обществ. наук, 7, 3, 1949, стр. 19. Статья И. К. Белодеда будет опубликована в следующем номере «Вопросов языкознания».

Доклад А. Н. Робинсона «Проблемы эпической символики „Слова о полку Игореве“» был посвящен вопросу о международных связях в области эпического творчества, отразившихся в образной системе «Слова о полку Игореве». Присоединяясь к гипотезе А. А. Шахматова, поддержанной В. В. Виноградовым, об устном происхождении «Слова» как памятника дружинного эпоса конца XII в., А. Н. Робинсон, однако, считает, что устное «Слово» впервые было записано не в XV или XVI вв., как полагал А. А. Шахматов, а еще в Киевской Руси до татаро-монгольского нашествия. Существующий текст «Слова», испытавший на себе второе южнославянское влияние, является более поздним (конец XV в.).

«Слово» для своего времени было архаичным по идейному содержанию и стилю устным произведением дружинной эпической традиции. По своей символике, антропоморфной образности, фольклорной традиционности, метафорическому стилю оно противоречит всей русской литературе XII в., но сближается с эпическими памятниками средневековья, такими, как «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Нибелунгах», поэмой «Витязь в тигровой шкуре». Для прояснения дружинно-эпического облика «Слова» необходимо учитывать и ближайшую к нему эпическую среду, с которой оно могло непосредственно взаимодействовать, — половецкий эпос. Важны тенденции к скрещению символики русско-половецкого происхождения. Докладчик подробно остановился на распределении между персонажами памятника идейно-эстетических функций славянских языческих символов (*Стрибог, Дажьдбог*) и половецких тотемов (*волк, бык, лебедь*). Изучение международных эпических отношений, сказал докладчик, позволяет изучать и оценивать «Слово о полку Игореве» как памятник не только древнерусского, но и мирового раннефеодального эпоса.

А. П. Чудаков в докладе «Речевой уровень в художественной системе писателя» говорил о необходимости подхода к художественному произведению и миру писателя как целостной системе, что предполагает постановку особых системных задач при анализе произведения. Таковыми являются выделение различных уров-

ней художественной системы (например, речевого, предметного, сюжетно-фабульного и уровня идей), а также выявление доминанты, или «главного эффекта» художественного построения. Под «главным эффектом» понимается основная черта художественной системы, осознанная как основной принцип построения, проявляющийся во всех элементах системы. Докладчик считает принципиально важным положение о том, что именно речевой уровень должен быть начальным и необходимым этапом научного исследования художественной системы. Эти положения были проиллюстрированы материалами из произведений Гоголя.

Д. Н. Шмелев в докладе «О языковых особенностях художественного текста» остановился на разных аспектах исследования языка художественных произведений, в частности, на изучении роли различных общеязыковых средств в художественной литературе, с одной стороны, и с другой — на возможностях и границах «системного» анализа художественного произведения как целого в связи с анализом его речевой структуры.

Д. Н. Шмелев охарактеризовал речевой уровень как наиболее сложный элемент анализа художественного произведения. Развивая идею В. В. Виноградова об образе автора, докладчик на материале художественных текстов показал роль различных языковых средств в структуре художественного целого: сложного синтаксического построения; форм глагольного времени в их влиянии на микроструктуру художественного произведения и на все произведение в целом; звуковой формы слова; различных стилистических и семантических сдвигов при употреблении слова в художественных целях; диффузности значений полисемантического слова как средства для создания образности языка. Д. Н. Шмелев высказал мысль об определяющей роли речевой структуры в образной и идейной системе художественного произведения.

В докладе Е. А. Иванчиковой «О принципах изучения синтаксической композиции художественного текста» сохранилась попытка развития и конкретизации учения акад. В. В. Виноградова об индивидуальном стиле писателя как «своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но структурно единой и внутренне связанной системе средств и форм словесного творческого выражения»². Доклад был посвящен обоснованию принципов изучения синтаксиса компонентов художественного текста и его синтаксической композиции — в плане постановки проблемы индивидуального синтаксиса писателя. Синтаксическую композицию художественного текста составляют его «синтаксические слои», или композици-

онно-синтаксические формы, т. е. характеризующиеся определенными синтаксическими признаками тематические отрезки текста. Методика изучения синтаксической композиции художественного текста в его структурной целостности была продемонстрирована на материале рассказа Ф. М. Достоевского «Кроткая». Изучение синтаксической композиции одного какого-либо художественного произведения представляет собой, по мнению докладчика, лишь первый этап в исследовании индивидуального синтаксиса писателя: система устойчиво повторяющихся, ожидаемых в определенных частях композиционной структуры синтаксических построений может быть выявлена на более широком пространстве текста.

В докладе В. Д. Левина «О чертах изоморфизма в развитии русской литературы и литературного языка» развивалась идея В. В. Виноградова о наличии «строго закономерного соотношения между оформлением реализма... и процессами образования национальных литературных языков»³ путем рассмотрения эволюции повествовательной речи в русской литературе. Выдвигается понятие «повествовательной нормы» как категории, в которой скрещиваются проблемы развития литературы и литературного языка, что особенно отчетливо проявляется в период формирования реализма и сложения национального литературного языка. Опора на общественный узаус, обобщенно-синтезированный характер, экспрессивная безграничность и принципиальная свобода, независимость от объекта изображения — таковы основные характеристики повествовательной нормы в объективном реалистическом повествовании, которые изоморфны «нормативному» образу автора. Изоморфные отношения между повествовательной нормой и образом автора отражают изоморфизм между литературным языком и литературой. Это становится особенно очевидным при историческом рассмотрении вопроса; в этой связи докладчик анализирует отношения повествовательной речи и образа автора в дореалистической литературе. Утверждается, что установленное исследователями (В. В. Виноградовым, Д. С. Лихачевым и др.) стремление реализма «к изображению действительности максимально соответствующими этой действительности языковыми средствами»⁴, характеризуя самый принцип национального литературного языка, нашедший выражение в сложении новой повествовательной нормы, не может восприниматься как принципиальный признак структуры конкретного произведения.

³ В. В. Виноградов, О языке художественной литературы, М., 1959, стр. 466.

⁴ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, Л., 1967, стр. 145.

² В. В. Виноградов, О теории художественной речи, М., 1971, стр. 105.

Ю. А. Бельчиков в докладе «Интимизация изложения в очерках 70—80-х годов XIX века в аспекте истории русского литературного языка» говорил о необходимости разграничения понятий «интимизация изложения», «сказ» и «лиризм», а также о речевых средствах интимизации в проблемном очерке конца XIX в. Интимизация, предполагающая обращение к разговорной речи, открывает широкие возможности разнообразного объединения разговорных и книжных элементов в речевой структуре очерков. Значение интимизации изложения в очерках для истории русского литературного языка, по мнению докладчика, определяется тем, что ставит на конкретно-исследовательскую почву изучение важнейших вопросов исторического движения русского литературного языка во второй половине XIX в., таких, как роль разговорной речи в литературно-языковой эволюции, соотношение и взаимодействие книжных и разговорных элементов в русском литературном языке этой эпохи в его основных функциональных стилях.

Е. С. Копорская (Москва)

*

12 января 1973 г. на кафедре русского языка филологического факультета МГУ состоялись очередные чтения памяти академика В. В. Виноградова. Рассматривались вопросы истории русского литературного языка.

С докладом «Структурные особенности литературного языка на Руси XVII века» выступил Н. И. Толстой, подчеркнувший, что выбор темы сообщения был навеян мыслями В. В. Виноградова, заключенными в статье «О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв.» (ИАН ОЛЯ, М., 1946, 3). Охарактеризовав экономическую и политическую обстановку на Руси в XVII в., эпоху экономической концентрации и роста русского национального самосознания, а также указав на расслоение русской литературы (литературы верхов и демократической), докладчик остановился на двух противоположных мнениях относительно состояния русского литературного языка той поры, принадлежавших А. И. Соболевскому и Б. А. Ларину. В 1911 г. А. И. Соболевский высказал мысль о том, что старая Россия пользовалась двумя языками, один из которых был литературным, церковнославянским, а другой — живым, деловым языком, и задачей каждого литератора являлось четкое различие двух этих языков. Полвека спустя, в 1961 г., Б. А. Ларин отметил, что характерным признаком образования национального русского

языка следует считать «органическое, проницающее сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка».

Анализируя эти два противоречивых мнения, Н. И. Толстой предложил свою трактовку разновидностей русского литературного языка в виде схемы, в которой выделяется сфера устного функционирования, куда входят диалекты, койне, язык фольклора, и сфера письменного функционирования, представленная церковнославянским литературным языком, приказным и повествовательным народно-литературным языком (которые отчасти имели и устное функционирование). В схеме отражена сложная языковая ситуация на Руси XVII в., соотношение различных языковых разновидностей, каждую из которых Н. И. Толстой подробно охарактеризовал, указав на наддиалектную сущность койне, на важность роли языка фольклора, незаслуженно преуменьшавшейся до сих пор, а также на слабую изученность приказного языка, который был достаточно нормирован и являлся не локальным, а деловым общерусским языком. Таким же общерусским, близким языку фольклора, был и повествовательный народно-литературный язык, богато представленный демократической литературой («Повесть об осаде Азова», «Повесть о Шемякином суде» и др.).

Обособленность каждой разновидности позволяет докладчику согласиться с мнением А. И. Соболевского, а взаимопроницающее их сближение, более ярко проявившееся в XVIII в., подтверждает справедливость замечаний Б. А. Ларина.

Н. И. Толстой выразил несогласие с тем мнением, что в XVII в. церковнославянский язык переживал свой кризис, и подчеркнул, что наблюдалось обратное явление — процесс четкой нормализации, о чем свидетельствуют споры старообрядцев, Никоновская справа, переделки разных житийных списков, в которых прямая речь — живая, разговорная — превращалась в книжную. Что касается русского литературного языка как такового, то в XVII в., по мнению Н. И. Толстого, его еще не было, происходил лишь процесс его образования, было то состояние, которое можно назвать «формирующимся русским литературным языком».

Доклад Б. А. Успенского «Фонетическая структура одного стихотворения М. В. Ломоносова» был посвящен орфоэпической проблеме — произношению буквы *з* («глаголя»), которой посвящено стихотворение М. В. Ломоносова «О сомнительном произношении буквы *з* в Российском языке». В церковном языке, равно как и в высоком стиле, буква *з* читалась как задненебный фриктивный согласный *ʒ*, а в живой русской речи как взрывной *g*. К середине XVIII в. живое произношение стало проникать в сферу книжного, происходила определенная интерференция

того и другого (по Г. О. Винокуру, существовало три стадии в эволюции литературного произношения *г*). На определенном этапе стало необходимым знать, какие слова произносятся по нормам книжного (в основе своей церковнославянского) произношения, т. е. с фрикативным *г*, а какие по нормам разговорной речи, т. е. со взрывным *г*. В связи с этим и было, очевидно, написано это стихотворение, состоящее из 20 строк и заканчивающееся вопросом: «Скажите, где быть га, а где стоять глаголю?» (название «глаголь» относится к церковнославянскому произношению буквы *г*, а «га» соответствует разговорному).

Стихотворение М. В. Ломоносова, как показал Б. А. Успенский, прочитанное по нормам XVIII в., представляет собой сложную аллитерационную структуру, для выяснения которой было привлечено большое количество источников: грамматических руководств, собственно литературных источников, стилистических помет в словарях, а также глосс, т. е. лексических параллелей, встречающихся в ряде произведений XVIII в.: были использованы даже данные об особенностях иностранного акцента Вральмана из «Недоросля» Фонвизина.

Последовательное рассмотрение произношения каждого знаменательного слова стихотворения (из 84 знаменательных слов букву *г* содержат 77 слов) позволило Б. А. Успенскому представить фонетическую структуру каждой строки, показав симметрическую организацию всего текста. Б. А. Успенский высказал мысль, что данное стихотворение произносилось как макароническое — с характерным соблюдением произносительных особенностей той и другой языковой системы. Кроме того, было замечено, что в стихотворении можно усмотреть скрытый намек на полемику М. В. Ломоносова с его литературными противниками (А. П. Сумароковым и др.).

А. П. Чудаков в докладе «„Прозаизмы“ и „поэтизмы“ в стиховом языке Н. А. Некрасова» изложил свое понимание некрасовской реформы стиха, сославшись на методику исследования художественного текста, применявшуюся В. В. Виноградовым. Сущность новаторства Н. А. Некрасова заключается не просто во введении канцеляризм, диалектизм, профессионализм в поэзию, а в том, что он принципиально изменил саму установку стихотворной речи, максимально приближая ее к прозаической, пародируя жанр баллады и включая в нее «прозаизмы». Так, например, в стихотворении «Влас» в авторский текст включаются голоса персонажей, чужие голоса: элементы крестьянского сознания, апокрифические картины в духе лубочной народной литературы сменяются речью повествователя, в авторскую патетику входит фольклорная лексика, в одном

предложении соседствуют и *матушка Москва*, и *царственная Нева*.

Другой стороной реформы Н. А. Некрасова, по мнению докладчика, является «поэтизация» стиха, включение в авторскую стихотворную речь фольклорной лексики, что было невозможно до Н. А. Некрасова. Именно в этом он обрел свой голос. Это оказывает влияние на русскую поэзию до наших дней. В наиболее совершенных формах этот принцип внедрения фольклоризмов был осуществлен в его поэмах, особенно в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

В докладе «Словосочетание *борьба за существование* в русском языке 60—70-х годов XIX в.» А. В. Степанов отметил, что процессы проникновения профессионально-научной речи в литературный язык характерны для сравнительно позднего этапа его истории, отличительной особенностью которого было сложное взаимоотношение сложившихся функциональных стилей и языка художественной литературы. Научный термин «борьба за существование», являющийся калькой с английского *struggle for life* и ставший «крылатым» после выхода в свет книги Ч. Дарвина «О происхождении видов», попав в язык художественной литературы, не только воспроизводит свое старое значение, которое он имел в функциональном стиле, но в зависимости от того, кем и как он употреблен, развивает новые, дополнительные значения. Так, у Анны в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» это «борьба» не «за существование», а «за любовь», а для Левина характерно иное осмысление, для него разум открывает «борьбу за существование», которая предстает как «закон, требующий души всех, кто мешает удовлетворению его (Левина) желаний». Таким образом, анализ роли терминологического словосочетания в разных формах повествования позволяет, как считает докладчик, шире представить изменения в его семантике и модальной окраске.

Л. Л. Бабалова (Москва)

*

С 1 по 3 ноября 1972 г. в Белграде в Институте сербскохорватского языка Сербской академии наук и искусств под председательством акад. Б. Гавранка проходило очередное заседание Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при Международном комитете славистов. В рамках заседания был проведен симпозиум, на котором обсуждались две проблемы: «Соотношение грамматических и лексических свойств слова» и «Принципы построения описательных грамматик со-

временных славянских языков». В обсуждении указанных проблем приняли участие: Л. Андрейчин, С. Иванчев, А. Минчева (НРБ); Р. Ружичка, Г. Фаска (ГДР); С. Урбанчик, З. Тополинская, К. Писаркова, Р. Лясковский, М. Гроховский (ПНР); Б. Гавранек, М. Грешль, Я. Корженский, Й. Мистрик, А. Едличка, Й. Ружичка, В. Барнет, Ф. Мпко (ЧССР); А. Е. Михневич (СССР); М. Стеванович, М. Павлович, М. Ивич, Й. Топоришнич, Б. Корубин, Л. Минова-Гюркова, С. Павешич, М. Гркович, С. Попович, Л. Попович, М. Орожен, А. Толстой, Й. Дулар, Г. Йоканович, П. Мато, Г. Вукович, Т. Батистич, Ж. Станойчич, Б. Погорелец и др. (СФРЮ); Л. Миклсен, Г. Матейко (США).

При обсуждении проблемы «Соотношение грамматических и лексических свойств слова» было прослушано и обсуждено десять докладов и сообщений.

Й. М и с т р и к в докладе «Компетенция грамматической и лексической составляющих в высказывании» показал, что в высказывании потенциально существуют и реализуются три типа составляющих: лексическая, грамматическая и текстообразующая. Теоретически каждое слово способно быть носителем одного, двух или всех трех типов составляющих одновременно. На первом месте в синтаксической конструкции стоят носители текстообразующей, затем грамматической и лексической составляющей. Актуальной задачей является описание динамического взаимодействия всех трех составляющих высказывания.

В докладе Я. К о р ж е н с к о г о «К вопросу о системных и функциональных связях между семантикой и грамматикой естественного языка» рассматривались методологические вопросы описания славянских языков. Докладчик пришел к выводу, что между базисными единицами семантики и высказывания нельзя постулировать однозначные соотносительные связи. Свойством естественного языка является адекватная интерпретация отношений между семантикой и соответствующими средствами передачи этой семантики по принципу постоянного нарушения и восстановления единства содержания и формы знака. Механизм этого процесса основан на единстве и борьбе противоположностей, позитивном отрицании, диалектической связи функции и структуры. Внутренним стимулом этого процесса является противоречие между компонентами языкового знака. Следствие этих сложных отношений — объективное существование грамматических категорий: грамматическая категория — это форма взаимосвязи семантических и формальных («высказывательных») единиц. Поэтому с позиций точного (генеративного, стратификационного) моделирования славянских языков определить эти «традиционные» категории нельзя. Однако нельзя

эти категории и механически включать в модели, если последние строятся по принципу однозначного соответствия и параллелизма, а их правила имеют характер однозначных импликаций. Все это заставляет искать новые, более адекватные способы формализации и моделирования языковых явлений.

М. И в и ч предложила вниманию участников симпозиума доклад на тему «О некоторых синтаксических конструкциях с квантификаторами в сербскохорватском литературном языке». Основной тезис доклада — о важности лексического материала для формирования синтаксических конструкций и их последующей семантической интерпретации — иллюстрировался анализом конструкций с квантификаторами *два, три, четыре, оба, все, всякий, некоторые* и др.

Р. Р у ж и ч к а рассмотрел «Соотношение синтаксических и семантических свойств неопределенных местоимений». Он пришел к выводу, что необходимо дифференцировать семантическое пересечение классов лексем и синтаксические последствия, вытекающие из общих всем элементам данного класса семантических признаков, с одной стороны, и семантику определенных лексем в отдельных славянских языках и синтаксические явления, коррелирующие с ними, с другой стороны.

С. И в а н ч е в выступил с докладом «О функционально-семантической связи личных местоимений с актуальным членением предложения», в котором было рассмотрено варьирование форм личных местоимений в зависимости от позиции в предложении с точки зрения актуального членения (тема, транзит, рема). Автор представил опыт типологической характеристики славянских языков на основании описанной вариативности личных местоимений.

К. П и с а р к о в а посвятила свое выступление теме «Лексические сигналы сегментации текста». Указав на наличие трех главных типов сигналов сегментации текста (пространственных, просодических и лексических), она подчеркнула первоочередную роль сигналов лексических, дала классификацию последних и подробно охарактеризовала те элементы текста, которые выполняют роль сигналов синтаксической сегментации текста.

А. Е. М и х н е в и ч в сообщении «Структура предложения и вторичные функции лексических значений» рассмотрел два способа включения значения слова в семантико-синтаксическую структуру предложения: непосредственно и через класс изофункциональных единиц.

М. Г р е ш л ь прочел доклад о «Семантической обусловленности реализации структур предложения», в котором рассмотрел возможности типологического описания славянских языков в зависимости от реализации в них предложений типа *мне хочется* и под.

Участники симпозиума прослушали также сообщения *И. Топорича* «Проблема частей речи в словенском языке» и *Б. Корубина* «Некоторые случаи семантической дифференциации форм множественного числа в македонском языке».

Проблеме «Принципы построения описательных грамматик современных славянских языков» было посвящено девять докладов и сообщений.

М. Стеванович рассмотрел вопрос о «Предмете синтаксиса в описательной (нормативной) грамматике». Он представил слушателям картину развития синтаксических взглядов от *Миклошича* до наших дней и в заключение обосновал свою точку зрения, согласно которой предметом синтаксиса являются не только предложения, взятые в целом, вместе с их членами и во взаимном их соотношении, но также и формы слов в функции обозначения таких связей и отношений.

З. Тополинская посвятила свой доклад «Методам описания синтаксических явлений в новой описательной грамматике польского языка». Она определила грамматику как упорядоченную совокупность правил использования словаря в целях семантической интерпретации текста и / или в целях порождения текста, допускающего семантическую интерпретацию, а также рассмотрела ряд понятий и методологических принципов, используемых в работе над описательной грамматикой польского языка (иерархия функций элементов текста, грамматикализованная информация, структура высказывания, предложения, группы и т. д.).

Р. Лясковски в докладе «Морфология в грамматике современного польского языка» говорил о компетенции морфологии и морфологии в описательной грамматике. В задачу морфологии входит, по мысли докладчика, анализ системы морфологических категорий данного языка, описание парадигматических отношений между формальными средствами выражения морфологических категорий (морфологическая парадигматика), дистрибутивная классификация морфем (морфологическая синтагматика).

М. Гроховский в сообщении «Синтаксические и семантические составляющие предложения (в свете анализа польской номинальной фразы)» затронул вопрос о соотношении синтагматической характеристики единиц текста (т. е. описания иерархии формальных составляющих текста) и их семантической характеристики (т. е. описания отношений между составляющими содержания текста).

Л. Андрейчин в докладе «Формальная классификация болгарских глаголов» рассмотрел возможность описания глаголов в болгарском языке в зависимости от их парадигматических и синтагматических свойств.

И. Ружичка в докладе «Динамич-

ность синхронного состояния языка» утверждал, что синхронное состояние языковой системы имеет динамическую сущность. Это находит свое выражение в расчленении системы на центральную и периферийную области, а также в «напряжении», существующем между синонимическими средствами языка, и объясняется тем, что синхронный срез в развитии языка — не только результат прежнего, но и источник дальнейшего развития языка.

Р. Ружичка в докладе «О месте абстрактных структур в описательной грамматике» привел аргументы в защиту тезиса о том, что в грамматических описаниях нельзя ограничиваться элементами, выступающими фонетически в наличествующем предложении. Необходимо учитывать и представлять в описаниях гипотетические элементы, ибо только в этом случае можно адекватно отразить действительное структурное и семантическое построение и восприятие данного предложения.

Ф. Мико рассмотрел некоторые вопросы синтаксиса в докладе «Генеративный метод и стандартный структурный анализ в описании предложения», где представил главные результаты своего исследования, посвященного структуре предложения в словацком языке (см.: *F. Miko, The generative structure of the Slovak sentence, 1972*).

В сообщении *Ф. Михалка* «Об иронической функции копулятивной конъюнкции», прочитанном *Г. Фаской*, утверждалось, что в предложениях типа *Я — и не встану* в славянских и немецком языках копулятивная конъюнкция служит не для связи частей высказывания, а для иронического противопоставления темы и ремы.

Доклады и сообщения стали предметом оживленной дискуссии. Материалы симпозиума будут опубликованы Сербской академией наук и искусств.

На заключительном заседании было определено, что на следующем заседании будут обсуждены две проблемы: «Принципы построения описательных грамматик современных славянских языков» и «Порядок слов в славянских языках в его отношении к структуре предложения».

А. Е. Мигневич (Минск)

*

С 7 по 9 июня 1972 г. в Горьковском гос. ин-те иностранных языков им. *Н. А. Добролюбова* состоялась третья конференция, посвященная проблемам лингвистического описания разговорной речи. Конференция была организована проблемным советом по изучению иностранной разговорной речи.

Дискуссия по вопросу об определяющих признаках разговорной речи была начата докладом О. Б. Сиротининой (Саратов) «Непосредственность общения — определяющий фактор разговорной речи». По мнению докладчика, неофициальность общения создает разговорный стиль, противопоставленный книжным стилям. Литературно-разговорная речь в своем ядре есть устная форма разговорного стиля литературного языка, однако условие непосредственного общения столь существенно, что заставляет выделять разговорную речь в особое явление. Докладчик перечисляет ряд характерных особенностей разговорной речи, вызванных непосредственностью общения. Это — параллельное использование нескольких каналов передачи информации, избыточность, возможность переопроса, устранение заботы о форме передачи информации, максимальная спонтанность. Мысль о том, что неофициальность общения не может считаться определяющим параметром разговорной речи, поддерживали О. А. Лаптева (Москва), В. Ф. Егоров (Калуга), Б. Н. Головин (Горький), который в докладе «О языковом статусе разговорной речи» на вопрос, является ли разговорная речь подсистемой литературного языка, ответил отрицательно. В докладе К. А. Д о л и н и н а (Ленинград) «Об одной характерной черте синтаксиса спонтанной речи» разговорная речь рассматривалась прежде всего как речь спонтанная. Понимание разговорного языка как особой системы, организуемой прежде всего фактором неофициальности общения, было представлено в выступлениях Е. А. Земской (Москва) и Е. Н. Ш и р я е в а (Москва). Эту же проблему поставил в своем докладе «Подъязык „разговорной“ речевой сферы и совокупный лингвистический объект» Ю. М. С к р е б н е в (Горький). Он настаивает на несостоятельности поисков реальных границ объекта исследования (в рамках различных терминологий — «разговорной речи», «обиходной речи», «разговорного подъязыка», «разговорного субъязыка» и т. д.), учитывая его дискретность.

Развитие науки о разговорной речи и практика преподавания иностранных языков показала всю необходимость постановки и решения вопроса о разговорной норме. Этому был посвящен доклад О. А. Л а п т е в о й (Москва) «Характер нормативности устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка». Характер нормы в разговорной речи определяется, по мнению докладчика, двумя моментами: автоматизмом устно-речевого построения, с одной стороны, и его слабоформальностью, с другой. Устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка свойственны нормы трех родов: общелитературные, общелитера-

турные смещенные и собственно устно-разговорные. Большой динамизм устно-литературной нормы создает условия для возникновения своеобразных «возрастных» нормативных систем, которые могут совмещаться во времени в пределах одной эпохи. О. Б. Сиротинина (Саратов) высказала мысль о том, что в разговорной речи существуют два вида нормы: а) норма общепринятая, когда смысл речи понятен вне ситуации, и б) норма, зависящая от ситуации. При обучении русскому языку следует ориентироваться на первый вид нормы.

Проблема экономии речи была поднята в докладе Г. Г. И н ф а н т о в о й (Таганрог) «О системном подходе к изучению явлений экономии в синтаксисе современной русской разговорной речи». По мнению докладчика, способность к экономии сегментных и сверхсегментных средств — типичное свойство разговорной речи. Свойство, проявляющееся фактами не окказиональными, а стабильными, реализует определенную систему. В связи с этим к синтаксису разговорной речи применим принцип системного подхода.

Ряд докладов был посвящен описанию характерных особенностей разговорной речи.

Тезис о разговорной речи как особой системе получил развитие на конкретном материале в докладе Е. А. Земской (Москва) «Наблюдения над синтагматикой русской разговорной речи». В докладе было показано, что им. падеж существительных, а также инфинитив глагола имеют в разговорной речи такую синтагматику и соответственно такие функции, которые кодифицированному языку не свойственны (больше число означаемых). По мнению Е. А. Земской, выявить и верно интерпретировать эти функции можно только в том случае, если рассматривать разговорную речь как самостоятельную языковую систему. Вопрос о степени изменения содержания термина в бытовой ситуации был поставлен в докладе Л. В. М о р о з о в о й (Горький). На важность валентных связей при определении лингвистических условий образования окказионализмов в речи указала М. С. Р е т у н с к а я (Горький). Н. Д. А р у т у н о в а (Москва) в своем докладе «О типах диалогического стимулирования» указывает на то, что каждая реплика наряду с прямым диалогическим стимулом содержит ряд косвенных стимулов, открывающих возможности разного ведения разговора.

Особый интерес у исследователей вызывает синтаксис разговорной речи. Кроме доклада Е. А. Земской, ему были посвящены доклады Т. И. Л о м з о в о й (Горький) «Адъективные словосочетания в разговорной речи», Г. В. М и л ю к о в а (Горький) «Функции порядка слов в простом вопросительном предложении

французского языка». К. А. Долинин фиксирует в синтаксисе спонтанной речи достаточно длинные и сложные предложения.

Особые конситуативные высказывания, т. е. такие высказывания, которые, будучи вырваны из конситуации, не могут быть верно осмыслены, отметил в своем докладе «О некоторых аспектах описания конситуативных высказываний разговорного языка» Е. Н. Ширяев. Примером такого высказывания может быть фраза *звони на лыжах*. Смысл этой фразы может быть вербализован различными синтаксическими структурами. В разговорном языке конситуативное высказывание в структурно-синтаксическом отношении следует считать самостоятельной моделью. В докладе О. Б. Сиротининой и коллектива студентов (Саратов) «Семантические модели предложения в разговорной речи» были отмечены особенности в реализации моделей, в использовании разновидностей моделей. Попыткой применить принцип парадигмы к синтаксису разговорной речи интересен доклад В. Ф. Егорова (Калуга) «Конструкции разговорной речи и синтаксическая парадигматика». Синтаксис национального языка, включающий и предложения, встречающиеся в разговорной речи, предстает в докладе в виде единого целого с центром, промежуточной областью и периферией. Вопросы парадигматики в плане разработки моделей предложений, выражающих экспрессивность, затрагиваются в докладе Э. А. Трофимовой (Ростов), сделанном на материале английского языка.

Проблему выражения эмоционального содержания предложения затронул в своем сообщении В. Б. Лебедев (Горький). Коммуникативному синтаксису был посвящен доклад И. И. Туранского (Горький) «К проблеме бинарности коммуникативного членения двусоставных безглагольных предложений».

Фонетике были посвящены сообщения В. М. Бухарова (Горький) «Наблюдение над реализацией немецких дифтонов в потоке речи» и доклад Р. Р. Каспранского (Горький) «Речевая омофония», в котором докладчик провел интересные параллели, обнаруживающие общность природы фонетических и синтаксических явлений (редукция слова и предложения).

Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на конференции, было соотношение разговорной речи и функциональных стилей.

Т. Г. Винокур (Москва) в докладе «Разговорная речь и стиль» предлагает рассматривать разговорную речь не как стилистическое единство, а как функциональную языковую подсистему, имеющую

свои внутренние стилистические градации. Они основаны на внеязыковых и внутриязыковых условиях функционирования разговорной речи и связаны с ее структурными особенностями. В то же время реально существует и некая общая стилистическая характеристика разговорной речи как узואльное языковое свойство, которое подтверждается стилистической интерпретацией структурных признаков разговорной речи в других функциональных языковых подсистемах. Принципиальная разница между разговорной речью и художественным, научным стилями была показана в докладе О. Б. Сиротининой и коллектива студентов. Разговорный стиль в этой системе занимает особое место. Активность разговорного стиля по отношению к художественному, публицистическому, техническому отмечается С. С. Беркнером (Воронеж). Анализ разговорной лексики в аспекте сопоставительной стилистики в разных языках обнаруживает сходные тенденции в использовании различных лексико-семантических пластов (О. С. Сапожникова, Горький). Общность семантических и семантико-грамматических особенностей стиля разговорной речи по сравнению со стилем авторского текста художественной литературы и технического стиля по разным языкам (французский, испанский, румынский) была отмечена С. И. Кауфманом (Коломна). Эту же проблему затронул В. А. Портяников (Горький) в докладе «Функционально-стилистические особенности одного типа обиходно-разговорных моделей немецкого предложения».

Частных вопросов английской разговорной речи касались в своих сообщениях Б. А. Князев (Уфа) «К вопросу о лексико-семантическом составе современной английской разговорной речи», Р. Р. Ковнер и Е. С. Смушкевич (Магнитогорск) «*Have got* как эквивалент *have* в разговорном английском языке», Я. Г. Биренбаум (Магнитогорск) «Союз *like* в разговорном языке», А. И. Литвиненко (Горький) «К вопросу о грамматической правильности в разговорной речи современного английского языка».

Участники конференции выразили удовлетворение работой конференции, которая дала возможность подвести итоги всему ценному в изучении разговорной речи за последние годы, и подчеркнули необходимость продолжения начатой Горьковским гос. пед. ин-том иностранных языков традиции регулярного созыва таких конференций.

З. Л. Новоженова (Саратов)

CONTENTS

Articles: A. V. Desnitskaja (Leningrad). Problems of a historical dialectology of the Albanian language; **Discussions:** I. R. Galperin (Moscow). On notions «style» and «stylistics»; A. I. Žuravskij (Minsk). On some differences between written and spoken forms of the Byelorussian literary language; L. P. Krysin (Moscow). Concerning social differences of language variants usage; L. S. Barkhudarov (Moscow). On the question about surface and deep structure of sentence; R. K. Potapova, N. G. Kamyšnaja (Moscow). Syllabication from the position of segmenting function of speech; **Materials and notices:** M. N. Bogolyubov (Leningrad). Arameic legislative inscription of Aśoka from Afghanistan; E. I. Tsarenko (Donetsk). On the functional characteristic of the laryngealisation in the quechua language; V. E. Sevyakova (Moscow). Actual division of the narrative sentence in English; V. N. Kholčeva (Moscow). Some questions of word-formation theory. **Reviews; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: A. V. Desnitskaja (Léningrad). Problèmes de la dialectologie historique de l'albanais; **Discussions:** I. R. Galperine (Moscou). Sur les notions de style et de stylistique; A. I. Žouravskij (Minsk). Sur quelques différences entre les formes écrites et parlées de la langue biélorusse littéraire; L. P. Krysin (Moscou). A propos des différences sociales dans l'emploi de variantes dans une langue; L. S. Barkhudarov (Moscou). A propos des structures superficielles et profondes de l'énoncé; R. K. Potapova, N. G. Kamyšnaja (Moscou). Syllabication du point de vue de la fonction segmentative du discours; **Matériaux et notices:** M. N. Bogolyubov (Léningrad). Une inscription législative arméenne d'Asoka en Afghanistan; E. I. Tsarenko (Donetsk). La caractéristique fonctionnelle de la laryngalisation en quechua; V. E. Sevyakova (Moscou). Division actuelle de la phrase narrative en anglais; V. N. Kholčeva (Moscou). Quelques questions de la théorie de la dérivation; **Comptes-rendus; Vie scientifique.**

Технический редактор *Т. И. Шеленкова*

Сдано в набор 2/III-1973 г. Т-07046 Подписано к печати 8/V-1973 г. Тираж 7260 экз.
Зак. 1828 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,0. Бум. л. 5,0. Уч.-изд. л. 15,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес.

2. Объем статьи не должен превышать 24 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах).

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их — в кавычках.

6. Все формулы и буквенные обозначения величины должны быть четко выполнены чернилами (следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами).

7. Рисунки должны быть тщательно выполнены тушью; чертежи, сделанные карандашом, не принимаются. Не рекомендуется загромождать рисунок ненужными деталями; все надписи должны быть вынесены в подпись, а на рисунке заменены цифрами или буквами. На полях рукописи указывается место рисунка, а в тексте делается на него ссылка. Фотографии принимаются в двух экземплярах (второй для редакции и ретушера в качестве контрольного). При изготовлении клише величина оригинала уменьшается в два — три раза, поэтому фотографии должны быть четкими и контрастными. Фотографии, выполненные в малом размере и нечетко, не принимаются. На обороте каждого рисунка должны быть проставлены фамилия автора, заглавие статьи и номер рисунка. Статью не следует перегружать графическим материалом.

8. Непринятые рукописи, как правило, не возвращаются.

9. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).